

Протоиерей
**Павел
Великанов**

Рассказы

**Самый Главный
Господин**

«Отец Павел рассказывает замечательные маленькие истории,
и мы понимаем, что жизнь во всех ее мелочах тоже может стать
Бого-служением. Служением Богу».

Евгений Водолазкин

Светлая проза

Павел Великанов

Самый Главный Господин

«Никея»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84+86.372

Великанов П. И.

Самый Главный Господин / П. И. Великанов — «Никея»,
2018 — (Светлая проза)

ISBN 978-5-91761-898-2

Новая книга протоиерея Павла Великанова представляет собой сборник рассказов малой формы, описывающих самые разные периоды и стороны жизни священника. Это и истории из его семинарских будней, и заметки путешественника, и тонкие, проникнутые светом афонские сюжеты, портреты, впечатления. В сборник входят также рассказы о прихожанах и его собственной семейной жизни. Круг тем тоже достаточно велик: от вечных вопросов русской литературы – судьбы «маленького человека», поисков духовного пути, сострадания и равнодушия – до забавных социально-бытовых поведенческих казусов, случившихся с героями историй.

УДК 821.161.1

ББК 84+86.372

ISBN 978-5-91761-898-2

© Великанов П. И., 2018

© Никея, 2018

Содержание

От автора	6
Безотчетная игра	7
Монастырь сирийских отцов	9
Спецназ	10
«Безенги»	11
Бабаня	12
Тоска посадская	14
Римская молитвенница	15
Фотик	16
Пята	17
Воскресное утро священника	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Протоиерей Павел Великанов
Самый Главный Господин. Рассказы

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-807-0266*

От автора

Эту книгу можно прочитать по-разному. Кто-то в ней увидит едва ли не подробную исповедь автора. Кто-то – сплошные небылицы и фантазии. Третий просто покрутит у виска пальцем: что с этих церковников взять?

Соглашусь со всеми. Где заканчивается реальная история и начинается нечто иное – об этом автор никому не расскажет. Но то, что практически всё описанное или так и было, или могло быть – а, возможно, где-то именно так и случилось – пусть не вызывает никаких сомнений.

Для меня работа над этими текстами была новым, неожиданно радостным опытом вглядывания, всматривания в обычную жизнь как бы чуть сверху – и со стороны. Говорят, духовные люди видят, как повсюду «жизнь жительствоует» – и мне тоже очень захотелось хотя бы немного «подсмотреть» это «жительствование».

И, конечно же, мне хочется поблагодарить всех тех, кто тем или иным образом оказался соучастником появления этой книги: прежде всего, моих любимых детей, всех близких родственников и друзей, которые хоть и разбросаны по разным континентам, но ведь у сердца своя «коммуникация», которой и тысячи километров – не помеха.

Безотчетная игра

Заметки и рассказы отца Павла Великанова напоминают фрагменты большого блага. В сети они наверняка стяжали бы гирлянды лайков: они живые и искренние, даром что назидательные.

Перед нами автобиографические истории с многоликим и многофункциональным автором. Это и многодетный отец, который во время утреннего правила перед литургией постоянно должен отвлекаться – то на обдуженного ночью маленького сына, то на младшую дочку, обнаружившую в холодильнике творожный торт. Паломник: немало эпизодов посвящено посещению монастырей, сирийских – с монахами-коптами, которые не в состоянии понять, что такое уныние, только смеются в ответ, Святой Горы Афон – с подвижниками, которые поразительно опрятны и дают такие простые и глубокие советы. Внимательный наблюдатель: вот молодой человек в наушниках, сосед в самолете, слушает музыку и погрузился в экстаз, отбивает ногой ритм, покачивается – наверняка под попсу или рок, качает головой батюшка. Как вскоре выясняется: это Бах! Парень слушает Баха. «Умел бы я молиться так, как этот парень вслушивается в оркестровые сюиты Баха», – укоряет себя наш герой.

И вновь подтверждает: все эти функции и лики тонут в самом главном – в первую очередь, рассказчик – пастырь. Все, что здесь написано, написано не просто паломником или папой, но священником.

Неудивительно, что многое из того, что вошло в сборник, напоминает заготовки к проповедям.

Цветные иллюстрации к заповедям Христовым. Сильно накрашенная кассирша в буфете Госдумы внезапно оказывается постницей. Расшалившиеся мальчишки-братья в метро всех раздражают, пока не обнаруживается: они едут из больницы, где только что узнали о смерти мамы. Понятно? Не суди ближнего твоего! А вот возвращается сам батюшка, полный благодати, с Горы Афон, только после причастия, и в ужасе видит в аэропорту грешный, падший мир, каких-то полубоженных девиц, и кажется ему, что из рая он попал в ад, но попутчик, тоже священник, отвечает ему на это: «Мы же не для себя – а для них причащаемся!» Ясно? Люби ближнего твоего.

Жизнь для отца Павла – книга притч, которые он пытается разгадать с помощью все того же ключа – христианской системы ценностей в православном изводе. На встречи, путешествия, попутчиков, испытания, россыпь лисичек в лесу он смотрит именно сквозь эту призму. Поэтому грибница, например, напоминает сложные человеческие отношения, в случайно раздавленном сыном планшете видится промысел и отклик на молитву, а в сделанной девочкой-подростком татуировке – разъяснение того, что такое точка невозврата. Отец Павел внимательно вглядывается в посланное, сказанное, увиденное, чтобы расслышать, что же хотел ему сказать этим Господь. Он сам всегда в позиции внимательного ученика, который постоянно учится и радуется, когда удается что-то понять. Едва удается – он этим немедленно делится.

И, признаюсь, самыми убедительными (возможно, оттого, что я тоже многодетная мама) мне показались уроки, которые преподали батюшке его собственные дети: младший Ваня, который в одной фразе проявил голубиную кроткую любовь к отцу, дочка, которая научила его никогда не кричать на детей и двигаться к безусловной любви.

Но и те истории, в которых автор отказывается от интерпретации увиденного, звучат сильно. Например, о вдруг проступившей сквозь воспоминания супружеской любви («Вот такие пироги») или о женщине, которая поступила как будто совершенно правильно, переехала в Сергиев Посад спасаться, отказалась от семейной жизни по слову духовника, но в итоге утратила радость («Посадская тоска»). И нет у отца Павла никаких объяснений, почему сложилось именно так, нет попыток выяснить, кто прав, а кто не очень. В этом смиренном отказе разъяс-

нять и интерпретировать неожиданно проступает столько силы и правды, столько той самой жизни, таинственной, сложной, текучей, подаренной нам Богом именно такой, что только и остается благодарить за нее Творца, а бабушку – за эту книгу, которая в итоге тоже дарит ощущение безотчетности небесной игры, как выразился один поэт.

Майя Кучерская

Монастырь сирийских отцов

В прошлом году довелось посетить Египет. Самое яркое впечатление – это, конечно же, коптские монастыри. Колыбель монашества. Имена, которые у каждого на слуху: Антоний Великий, Павел Фивейский, Макарий Египетский. Давно сложившиеся суровые иконописные образы из житий трещат по швам – когда видишь в монастырях молодых, сияющих счастьем монахов. Нас сопровождают звоном тимпанов – небольших ударных инструментов, типа литавр – и динамичными песнопениями, в которых, понятно, мы не знаем ни слова. Каждый монастырь – это целый город. Иногда десятки, порой сотни гектаров земли, огороженной от враждебного и завистливого взора иноверцев.

Копты не скрывают своей радости от встречи с нами. Они живут Христом – в Которого и мы веруем. А Он – Один. Для них жизнь во Христе – не теория, а суровая реальность жизни. В агрессивно настроенной мусульманской среде быть христианином – ежедневное исповедничество. Буквально за месяц до нашего приезда убили очередную монахиню. Просто так, подошли на улице – и застрелили. Ни за что. Точнее, за то, что смеет быть христианкой и носит огромный крест на шее – черный, кожаный, даже не металлический, не позолоченный. Не стесняюсь свидетельствовать о своей вере – и понимать, какую цену, возможно, придется заплатить.

На руках у коптов – татуировки креста. Они с удовольствием их демонстрируют: крестик можно сорвать с шеи – а этот крест – только вместе с конечностью.

Я нигде не видел таких счастливых монахов, как в этих древнейших монастырях христианского мира. Они и не пытаются скрывать, что им там – хорошо. Когда мы рассаживаемся в просторной гостиной для беседы за чашкой чая, монахи буквально облепливают своего старенького игумена: кто-то ложится в ноги, кто-то присаживается рядом на пол на корточки, а один и вообще бесцеремонно сзади облокачивается на игуменское кресло. Они, словно котята, так и льнут к своему отцу.

Видя такую непосредственность, один из нашей группы решается задать давно мучивший его вопрос: «Отче, скажите, а как братия борется с унынием?» С первого раза переводчику не удастся донести смысл вопроса, игумен никак не может взять в толк. Вторая попытка: «Ну, понимаете, когда монаху ничего делать не хочется, ему плохо, одиноко, он грустит, впадает в тоску и безысходность?» Со второго захода перевод удается. «А, понял! – радостно восклицает игумен и приподнимает голову. – Братья, вы что, унываете?» – обращается он к устроившимся вокруг него монахам. И тут происходит то, чего мы совершенно не ожидали. Они начинают... хохотать. Не улыбаться, не сдержанно похихикивать, не возмущенно отрицать – а хохотать в голос. Им на самом деле смешно. От нашего дурацкого вопроса. Можно ли спрашивать об унынии в семье, где тебя – любят?..

Спецназ

Большой спортивный зал. Пустой. По центру как-то странно кружатся два взрослых мужика. Очень крепких. В руках – по зачехленному армейскому ножу. Присматриваюсь – на головах полиэтиленовые пакеты. Мутные и мокрые от пота. Глаза уже вылезают из орбит. Им плохо. Задышались. Они, уже полусидя-полулежа, барахтаются из последних сил, пытаясь победить один другого. Наконец-то чехол ножа дотягивается до горла – и в этот момент победитель отключается совсем.

Тут же из темноты подбегает откуда-то появившийся врач, снимает пакет, меряет давление, пульс – приводит в сознание упавшего. Нет, это не какие-то странные развлечения подростков. Это обычная тренировка спецподразделения для выполнения особых задач. Когда надо научиться, умирая, не сдаваться и все равно побеждать.

Как хорошо, что подобные занятия проходят за закрытыми дверями. Вдалеке от всех любопытных глаз. А то какой бы был огромный соблазн подросткам попытаться устраивать подобные соревнования – а что, слабо, да?

Когда говорят, что монашество – свет мирянам, я сразу вспоминаю этот случай. Конечно же, свет – кто бы возражал? Такой же, как и спецназовцы – свет всем остальным солдатам. Да и не только солдатам.

Монахи – это наши духовные спецназовцы. Которые всю жизнь без остатка бросили к ногам Христа и пошли за Ним, не рассуждая, что именно предстоит им пережить на жизненном пути. Свободно, с полным сознанием дела надели на головы свои полиэтиленовые пакеты и крепко их завязали. Вооружились оружием. И стали ежедневно тренироваться. Сколько сил хватит. Ведь ни на что другое силы все равно уже не потратить – ни на жену, ни на семью, ни на стяжание житейских благ, ни на удовлетворение собственного тщеславия. И рядом – духовник. Опытный боец и квалифицированный врач. Который, когда уже свалится боец невидимого фронта в изнеможении, расскажет, где и какие ошибки были, поможет шаг за шагом выйти на новый уровень.

Порой мне кажется, что стремление некоторых очень монахолюбивых людей навязать всем остальным – обычным мирянам – подходы и установки монашествующих похоже на то, как если бы в детских магазинах стали продаваться наборы для спарринга в полиэтиленовых пакетах. Неправильно пытаться превращать весь мир в один большой монастырь. Не все могут вместить. Не каждому быть спецназовцем. Кто-то должен и в тылу работать, и детей рожать, да и землю пахать. А надевать каждому на голову по пакету – круто, конечно, но ведь и задохнуться можно. Не надо искать не свойственных твоему чину и званию добродетелей. Всему в жизни должно быть свое место.

«Безенги»

Как-то ранним летом, когда обдумывались планы на грядущие каникулы, вдруг очень захотелось куда-нибудь в горы. Не милые зеленые горки, а настоящие, взрослые, суровые. И тут – словно специально кто-то подслушал – получаю рассылку от одного из моих академических друзей, руководителя туристического клуба. А не хочу ли я составить компанию и поехать в альпинистский лагерь «Безенги» в Кабардино-Балкарии?

Немного надо времени, чтобы заглянуть на сайт и убедиться: это – то, что надо!

Оставив в стороне подготовку, тренировки – страшно ведь в горы идти расхлябанным! – перескочу к самым ярким впечатлениям. Закончив неделю интенсивных тренировок с инструктором, осознав всю неспортивность своей конституции, но и убедившись, что еще не все потеряно, ложусь спать пораньше. Завтра в 4 утра выход. Впереди четырехдневный поход, чтобы, вернувшись, получить значок «Альпинист России» и возможность двигаться дальше по разрядам.

Почти выспавшись, тщательно проверив амуницию, подхожу к месту сбора. Наша группа отправляется в поход. Все молчат. Не только от предвкушения неизвестного, но и от не вполне осознанного понимания, что здесь, в горах, все по-взрослому. Совсем по-настоящему. Порядочно утомившись от перескакивания по камням Безенгийского ледника, инструктор командует – привал! Тем более что подошло время связи с базой: мобильные уже не работают, единственная связь – по радиисвязи с лагерем. В это время все группы, находящиеся в горах, докладывают о том, что у них происходит, все ли в порядке. Связь достаточно громкая. Мы слышим, как опрашивает диспетчер каждую группу. И тут среди четких, по-армейски выверенных фраз откуда-то из шума динамиков мы разбираем странные слова: «одного потеряли».

«И чего! – подумал я. – Не маленький же ребенок, все взрослые люди, найдется!» Неуместность мысли становится очевидной, когда вижу, как на глазах мрачнеет лицо инструктора. «Конец связи!» Инструктор молчит. Ему очень хочется ругнуться. Но он молчит. Мы ждем. Его взгляд наконец-то возвращается откуда-то из-за приэльбрусских хребтов – рассеянно скользит по нам. «Один альпинист погиб. Сегодня. Больше ничего не знаю!»...

Это завтра мы увидим, как будет вдаль кружить вертолет МЧС, чтобы забрать тело с высокого плато. Это те, кто остался в лагере, сбежавшись на шум опускающейся с неба машины, увидят, как бережно вынимают из кабины большой глухой черный пакет. Еще через один день инструктор, во время нашей скудной трапезы, уже после восхождения, случайно обмолвится: «Да, новички обычно не гибнут. Потому что знают, что глупы – и нет в них самонадежности профессионалов». А уже вернувшись в лагерь, мы узнаем, что причиной гибели стало грубейшее нарушение техники безопасности – чтобы сэкономить несколько секунд и взять новый показатель.

И мы навсегда запомним: горы самонадежных не любят.

Бабаня

Первый культурный шок от встречи с церковной жизнью у меня произошел во время поступления в семинарию.

Выглядело это так. Центр Загорска, буквально несколько десятков метров до лаврских стен, пошатнувшийся полусгнивший забор, такой же дом. Калитку открывает вполне еще бодрая старушка с суровым и в то же время улыбающимся лицом. Низкая притолока доброжелательно награждает меня хорошим шелбаном по макушке. Приглашают выпить чайку – нахожу глазами рукомойник. Понятно: полное отсутствие удобств цивилизации – есть только электричество. Пьем чай с засахаренным вареньем. Знакомимся. При всей внешней суровости и даже мрачности просвечивает какая-то совершенно неожиданная теплота и непосредственность. В ее словах слышится слегка припорошенная ропотком готовность предоставить свой кров на неопределенное время. Это – баба Аня, Бабаня.

Подружились мы с ней быстро. Молодому семинаристу сбежать хоть куда-то на часок из «системы» – отрада, а одинокой старухе – не только по воду не ходить, да и перемолвиться есть с кем.

Все самое интересное началось, когда мы познакомились поближе, и для меня вдруг открылся совершенно удивительный внутренний мир этой бабушки. Она была практически безграмотной, подписываться, правда, могла, но и то с большим трудом. Не помню, чтобы она за все годы нашего знакомства хоть что-то читала. Даже молитвослов. При этом вся ее жизнь была пропитана Церковью: утром в пять часов братский молебен в Троицком, потом литургия, снова пойдет к Преподобному и только тогда домой. Сказать, что жила скудно, – ничего не сказать. Пенсия ничтожная, из продуктов – что привезут паломники, которые, бывало, останавливались у нее на ночлег, да и что мы, семинаристы, притащим из студенческой столовой. Собственной жизни у нее не было вообще: она словно скользила по волнам ритмов богослужебного года и траекториям чужих жизненных путей, не ставя никаких личных целей и задач, не пытаясь улучшить свой быт, раздобыть денег или же какое-нибудь «утешеньице». Моментом, который всякий раз озарял ее суровое лицо, было посещение ее убогого жилища семинаристами «на чай», когда пропевались праздничные песнопения и начиналась неспешная беседа обо всем и ни о чем.

Сказать, что в ее голове была «богословская каша» или же «понятийный винегрет», – почти что назвать ее профессором теологии. Ни каши, ни винегрета, ни какого другого приготовленного по рецепту блюда там не было и в помине. Это был постоянно живой, меняющийся в зависимости от входящей информации объем, который заполняли отрывки из Писания, житий, фраз, богатого церковного мифотворчества и благочестивых преданий. Все мои попытки разобраться, а во что на самом деле в глубине души верит этот человек, завершались полным крахом: ни о каких вероучительных тонкостях и даже общих понятиях не могло быть и речи. Нет, вера, конечно же, была: во Христа, в Матерь Божью, святых, в Троицу, в святость Церкви. Пожалуй, вот и весь реальный ее «символ веры», который можно было извлечь на поверхность. А все остальное – лучше предать забвению: там, в Царстве Небесном, она и без богословских штудий увидела все лицом к лицу...

А еще был батюшка. Едва ли слово «абсолютный авторитет» может выразить даже сотую долю ее отношения к духовнику. Все кардинальные, важные решения принимались только с его благословения. Ослушаться, перечить или даже подвергать сомнению – для нее все это было просто невыносимо. Батюшка в ее глазах вовсе не заменял собой Христа: нет, он лишь свидетельствовал собой о том, что Христос есть, потому что батюшка – именно такой. Их связывал какой-то особый род духовной дружбы, так что даже ставшие крайне редкими с годами

встречи не ослабляли ощущение постоянной близости и пребывания духовника где-то здесь, почти за оградой.

А потом была болезнь – страшная, зловонная, изматывающе-долгая, последняя. И был переломный момент – когда по дороге на операцию баба Аня вдруг, в центре московской подземки, поняла: не поможет ей операция, лучше уже не станет никогда. Развернувшись домой, она до самого дна испила целительное горькое лекарство боли и скорби – потому что видела Христовы руки, державшие эту чашу болезни.

Тоска посадская

Есть в Сергиевом Посаде улочки, которые по сей день сохраняют обаяние старой России, дореволюционной, тихой, молитвенной. Осталось их совсем мало – в тех немногих глубинах переулков, куда еще не добралась коммерческая мошна с экскаваторами и кранами, где даже сегодня все еще ходят по воду на колонку и отапливают дома дровами. Эти дома, как правило, место проживания тех, кто однажды посетил Троице-Сергиеву лавру и уже не смог с ней расстаться.

По затертой деревянной лестнице, не мытой и не крашенной лет эдак дцать, поднимаемся на второй этаж. Запах старого деревянного дома, отстоявшего свою сотню лет, ни с чем не перепутать. Маленькая двухкомнатная квартирка. Зато с газом и холодной водой. В доме не то что бедно – почему-то очень уныло. Прохладно и пусто. Словно здесь не живут, а доживают; да и то не по своей воле. Хозяйка – ничем особо не примечательная женщина лет сорока пяти, для своего возраста даже все еще не утратившая черты былого обаяния. Медленно стареющая кожа лица, никогда не знавшая ни кремов, ни косметики, так и светится какой-то естественностью, несмотря на уже немалое количество морщин.

Пропев рождественский тропарь – Святки на дворе! – сели за стол. На столе, как и во всем доме, все очень скромно. За многие годы привычка питаться в лаврской столовой почти атрофировала и желание, да и сноровку что-то готовить самостоятельно. Да и для кого готовить? Сами как-нибудь перебежмся, а гости – дело почти неслыханное.

– Вот так и живу, – начинает разговор хозяйка.

– И слава Богу! – Я пытаюсь ввернуть благочестиво-праздничную фразу.

– Да уж, может, и правда слава Богу, – как-то совсем не по-праздничному реагирует хозяйка. – Хотя последнее время я все чаще думаю, что не слава Богу. И что меня дернуло сюда приехать? Вот что я сейчас – у разбитого корыта. Ни семьи, ни детей, никому не нужна. От работы – тошно. А я же на архитектора училась! Останься дома – смотришь, уже и в Союз художников давно приняли бы, хоть что-то после себя да оставила бы. А что теперь? Кроме батюшки – никого. Да и ему я уже порядком поднадоела. Прошли те времена, когда он возился да часовые исповеди выслушивал. Теперь одно и то же: не унывай, молись, трудись, терпи, спасайся. Как же все это опостылело! Никакой радости в жизни. Раньше хоть где-то надежда еще оставалась – вдруг замуж выйду. А кому я теперь такая нужна? Самой смотреть противно. Старуха недовыцветшая. Дура, просто дура. Когда стала воцерковляться, по-взрослому, по-монашески – все плотское – грех. Батюшка говорил: «Ты что, неужели замуж хочешь? А оно тебе надо? Да перестань! Смотри, как счастливо сестры живут! Как у Христа за пазухой! Спасение уже в кармане почти!» Вот именно что «почти»! Я из этого уныния уже который год не могу выйти. Ничего не радует. Тогда и правда это замужество совсем не надо было, все как на крыльях летала, щебетала, думала, вся жизнь впереди. А теперь прожила жизнь – смотришь, а жизни-то и не было.

Последние лет десять – словно заколдованный круг, все одно и то же. Дом – работа – храм – дом – работа – храм...

Чайку попили, помянули общих знакомых, повздыхали-поохали, на том и разошлись. По сей день иногда случайно встречаю ее по дороге к лавре. В ее жизни все стабильно. Каждый – кузнец своего счастья. Или несчастья. Хотя, по большому счету, между первым и вторым грань трудно различима. Особенно когда смотришь со стороны.

Римская молитвенница

Неподалеку от Капитолийского холма, на одной из самых шумных туристических улиц Рима, есть совсем небольшой бутик. Шарфы, платки, галстуки мыслимых и немыслимых расцветок и узоров. Прохожу мимо – а дай-ка загляну, может, какой подарок и домой привезу. Улыбчивая продавщица интересуется, откуда я. «О, Россия! Серафим Саровский!» – с искренним восторгом она поднимает большой палец кверху. И тут я замечаю – а на руке-то у продавщицы деревянные четки! Заметив мой взгляд, она с гордостью сообщает, что она вот уже три года постоянно творит умную молитву. Через пару минут разговора выясняется, что она – еврейка, обратившаяся в католичество. Все, что происходит вокруг, – для нее имеет особый духовный смысл, который Сам Бог открывает ей разными способами, прежде всего в пророческих снах. Такие сны она видит постоянно. И в них получает ответы на все свои жизненные вопросы. «Счастливая! – думаю про себя. – Наверное, и про то, что сегодня к ней православный священник придет, – тоже знала».

Из глубин памяти всплывает другой опыт – афонский. Там, в этой монашеской республике, Иисусову молитву творят все. И в тишине уединенных келий, и в медленном и чинном ритме жизни больших общежительных монастырей. Она буквально висит в воздухе. Но – в отличие от римской молитвенницы – ей никто не бравирует. Так же как никто не хвалится тем, что он дышит. Не хочешь – так не дыши, никто не заставляет. И какого-то особого, исключительного подвига в этом тоже никто не видит. Любой нормальный, здравомыслящий человек, если понимает, что почему-то перестал дышать, начинает срочно искать причину – а то ведь и умереть можно. Он не говорит себе: «А что здесь такого? Хочу – дышу, хочу – не дышу!»

Хорошо, когда человек посреди мирской суеты творит молитву. Сергей Фудель рассказывал о швейцаре одной из московских гостиниц, который творил непрестанную Иисусову молитву, находясь постоянно в потоке приезжающих и отъезжающих. Его мысль о Боге так крепко соединилась с сердечным чувством, что внешняя суета уже никак не задевала. Он тщательно выполнял все свои обязанности – но при этом внутренне был совершенно свободен и независим, предпочитая стоять вниманием рядом со Христом – и радоваться Ему. Не знаю, как вам – а мне по-хорошему завидно такой абсолютной свободе: быть полноценно включенным в обычную жизнь – и в то же самое время уже находиться рядом с Небесным Отечеством.

Только навряд ли захочешь об этом рассказывать всякому встречному. Надеюсь, когда-нибудь и наша римская молитвенница дойдет в своих молитвах до той глубины, о которой никаких слов не хватит, чтобы рассказать.

ФОТИК

Когда у меня бывают поездки, я люблю фотографировать. Да так, чтобы камера профессиональная и объектив достойный. Потом качественные фотографии разбирать – сплошное удовольствие, словно опять погружаешься в атмосферу другой страны, а то и целой цивилизации.

Когда мне предложили поехать на Пасху в Китай, я, конечно же, взял с собой правильный фотоаппарат. Дело серьезное: когда еще Бог приведет посетить Поднебесную! В первый же день приезда – благо дело было днем – отправились на прогулку. Все другое, неожиданное, привлекательное. Щелкает затвор, отбивает новые кадры, записывает файлы на карточку. Солнце уже клонится к западу, пора бы и подкрепиться.

Заходим в небольшой ресторанчик. Пока мои спутники разбираются с меню, отправляюсь прогуляться. Смотрю, на самом видном месте небольшая статуя какого-то местного божка. В красном и золотом. На Будду не похож. Вокруг валяются мелкие деньги и какие-то бумажки, похоже, просьбы. Подсветка так и соблазняет сделать пару эффектных кадров. Соблазн. Борюсь. Неудобно как-то. Это же каким надо быть циником, чтобы бесцеремонно, прямо в лоб, снимать чьи-то святыни, пусть и другого народа, иной веры, но все равно – почитаемые предметы. Соблазн все растет и растет. А вдруг у них только в этом ресторане такой милый божок и больше нигде не встретится? Что я покажу своим студентам, когда вернусь? Этот помысл окончательно сбивает с ног, оглядываюсь, вроде все заняты своими делами, никто внимания не обращает – и быстро делаю серию снимков.

Хорошо поужинав непривычной, но оказавшейся очень даже вкусной, постной пищей, возвращаемся в гостиницу. По дороге обращаю внимание на неожиданную картину: на обочине стоит машина, водительская дверь распахнута – и из нее торчат чьи-то ноги! Туфли, аккуратно поставленные тут же на асфальт, говорят, что все в порядке, просто кто-то решил немного передохнуть. «Какой отличный кадр!» Включаю камеру, и – о ужас! – автофокус не работает вообще. Тот, который никогда в жизни не подводил! Туда-сюда, включаю, выключаю – никакого результата. Вручную еле-еле настроив фокус и совершенно расстроившись, делаю снимок. Все, поездка испорчена. Что же это будет за фотосессия, когда на каждый кадр надо руками ловить фокус!

Меня начинают одолевать тяжкие мысли. Ну почему же так, Господи? Я тащил с собой эту тяжелую камеру, чтобы в первый же день она стала лишь ненужным грузом? Понимаю, что поворотный момент – фотографирование языческого божка. Есть над чем задуматься...

Немного успокоившись уже в номере, я впадаю в какое-то странное состояние. «Я, может, чего-то не понимаю, Господи: скажи мне, кто в этом мире хозяин? Ты – или этот какой-то уродливый божок? Может, это он мне захотел навредить – и поэтому камера перестала работать? Вот переkreщу трижды ее Твоим крестным знаменем – которым Ты всякую бесовщину побеждаешь – и посмотрим, что будет!» Невидимым образом ложится троекратное священническое благословение на грустно лежащий фотоаппарат – минута ожидания – будь что будет – щелчок выключателя – и о чудо! Автофокус жужжит, словно ничего и не было!

Правда, желание охотиться на чужие предметы религиозного почитания у меня отпало надолго. Пусть Сам Господь Бог с ними разбирается. Не мое это дело!..

Пята

Однажды мне подарили планшет. Понятно, что в семье с подростками он очень быстро переключался из кабинета в детскую. Увидев в очередной раз сына, целиком погруженного в планшет, я серьезно задумался. Надо что-то делать. «А давай так договоримся, – предложил я сыну. – Хочешь играть полчаса на планшете – надо прочитать пятьдесят страниц книги». «Да не вопрос!» – ответил сыночек. Благо читал он всегда достаточно шустро.

То, что это была моя стратегическая ошибка, я понял через неделю. Когда в единственный выходной день в дверь спальни раздался робкий стук. Смотрю на часы – половина седьмого. «Папа, а можно я возьму планшет – я уже сто страниц прочитал!»...

Что остается делать многодетному отцу в ситуации такого полного педагогического фиаско? Только одно: переадресовать проблему на решение в Высшую Инстанцию – то есть Господу Богу. Я так прямо Ему и сказал: «Господи, ну прости дурака. Я не знаю, что делать. Меня ситуация беспокоит – но рычагов воздействия пока нет. Просто забирать и запрещать я не хочу. Потому что найдет, где играть. Сам вразуми его, пожалуйста!»

Сколько времени прошло, я уже не помню. Но то, что немного, – это точно. Прихожу я как-то вечером домой – и вдруг на пороге меня встречает старший брат с решительным выражением лица. «Стой! – говорит он. – Пообещай мне, что сына сильно наказывать не будешь!» В сердце у меня екнуло. Это же что надо было натворить, чтобы брат включился в качестве заступника! На все мои попытки понять, что же произошло, брат требовал сначала дать обещание.

Деваться некуда, пришлось дать. Тогда открывается дверь, и я вижу своего заревавшего старшего сына. «Папа, прости меня, пожалуйста», – сквозь всхлипывания слышу булькающие слова. «Да что же ты натворил, в конце концов?» – «Папа, я раздавил своей пяткой твой планшет!» – «Как раздавил?» – «Ну, мы играли с ним на полу, там было одеяло, потом почему-то все перемешалось – мы стали баловаться и прыгать, и я на него со всего размаху наступил. Вот, посмотри, что от него осталось», – и с этими словами он протягивает мне планшет, ставший похожим на двускатную крышу. Одним словом, восстановлению не подлежит.

И тут меня разобрал смех. Я вспомнил, как просил Бога помочь справиться с этой зависимостью. Да, помогли. Более чем эффективно. Говорю сыну: «Смотри: ты понимаешь, что произошло? Ты раздавил мой планшет. Твоей ногой. Ты понимаешь, что я не буду себе покупать другой планшет. Неспроста ты его „попрал своей пятой“! Не я у тебя его отнял силой, а ты у меня!» И сыночек успокоился. Все-таки трудно представить себе смеющегося папу, одновременно лихорадочно соображающего, как бы наказать безобразника.

Без планшета, конечно же, жизнь стала куда скучнее. Образовался некий вакуум, который чем дальше, тем сильнее хотелось заполнить. И вдруг я случайно заметил, что мой сыночек стал сам читать книги, да еще и с таким увлечением – чего раньше за ним не замечалось.

Я, конечно же, вовсе не враг гаджетов и прочих высоких технологий. Но прежде чем кормить ребенка вкусными десертами, пусть сначала к нормальной и полезной пище привыкнет!

Воскресное утро священника

«Надо же, – думаю я, открывая глаза. – Красота какая! Уже выспался, а будильник еще и не звенел! Отлично! Можно без спешки правило к воскресной службе прочитать». Одевшись и умывшись, открываю молитвослов. «Благословен Бог наш...» Читаю предначинательные молитвы. Ум постепенно успокаивается от утренней встряски, приглядывается к словам – понемногу начинает включаться и сердце. «Во причастие святынь Твоих како вниду недостойный?»

– Папа, я ночью обдулся! – резкое выныривание из еще не начавшегося молитвенного умиления. Вариантов нет: надо идти спасать ребенка из мокрой постели. Благо времени еще предостаточно.

Покончив с гигиеническими процедурами, убедив дите, что вполне еще может поспать часик-другой в сухой и теплой постели, возвращаюсь к иконам. «Очисти, Господи, скверну души моя, и спаси мя, яко человеколюбец!» Ум никак не хочет снова сосредоточиться на словах молитвы. Остается одно: просто читать дальше. Умиление, похоже, сегодня нас не посетит. Ну да ладно, хотя бы вычитать положенное.

– Папа, я заснуть не могу!

О Боже.

– Ну раз спать не хочешь – тогда вставай, одевайся.

– Нет, я хочу, но не могу. Посиди со мной, пожалуйста.

– Хорошо, посижу – только мне надо правило дочитать.

Счастливый ребенок закрывает глаза – а улыбка с довольной физиономии еще долго не сходит. Знаю же, что не заснет, манипулятор мелкий, – ну да ладно, хотя бы сидя домолюсь. «Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся...»

Из-под нависших снежных тяжелых туч едва брезжит рассвет – и затаенная тишина утра снова прорезается сочным голоском – только теперь куда более высокой тональности:

– Папа, доброе утро! Ты где?

Так, теперь и дочка проснулась. Ох, сейчас начнется настоящий шурум-бурум в доме и будет совсем не до молитвы...

В голове уже начинает мигать желтая лампочка: время! Я сегодня в храме – начинающий, опаздывать нельзя! Так, все ясно. Хотя бы молитвы без канона прочитать. Ум давно уже проснулся и легко переходит в турборежим. «Не бо яко презираяй приходу к Тебе, Боже...» Что-то подозрительно тихо. Слишком тихо для нашего дома, в котором проснулась младшая дочка. Ладно, надо срочно домолиться. Все равно тихо. Словно все вымерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.